

УДК 94(1-17)

DOI: 10.17223/2312461X/24/9

ТАНТАМАРЕСКИ СОВЕТСКОЙ ФОРМАЦИИ ИЗ ДНЕВНИКА МОЛОДОГО ТЮМЕНЦА 1930 ГОДА

Надежда Александровна Никулина,
Владимир Яковлевич Темплинг

Аннотация. В центре внимания авторов статьи дневник молодого тюменца, в 1930 г. совершившего зарубежное путешествие, ставшего участником экспедиции на советский Север, представителя той части молодого поколения, которое без видимых противоречий осваивало идеологические модели эпохи в период расцвета идей культурной революции. Концептуальным центром исследования является метафора тантамарески, позволяющая продемонстрировать механизмы формирования ситуации не-жертвы в условиях тоталитарного государства через систему мотивов и образов конкретного эго-документа. В работе высказывается суждение, что в основе бесконфликтного вхождения в новую систему социальных отношений лежат ценности и поведенческие установки, присущие традиционному обществу, которые составляют основу тантамарески советской формации.

Ключевые слова: путевой дневник, тантамареска, идея нового человека, культурная революция, освоение Арктики

Обычное необычно (к актуальности исследования)

В 1930 г. ученик выпускного класса тюменской школы ФЗУ водного транспорта Сергей Чертищев проходил производственную практику в команде советских специалистов, которые сопровождали корабли, построенные на верфях немецкой фирмы Шихау в Данциге для Комитета северного пути, и должен был подготовить отчет о практике. Отчет перерос в дневник путешественника (Чертищев 2018). С одной стороны, факт появления такого дневника обусловлен естественным стремлением человека фиксировать значительные события, к которым в первую очередь относились и относятся путешествия. С другой стороны, этому способствовал так называемый «большевистский» проект изменения человеческого «я», в стратегиях которого была популяризация различных форм письма как индивидуального опыта осмысления новой жизни и себя как участника грандиозных событий.

В книге известного антрополога Й. Хелльбека собраны некоторые факты, уточняющие эти стратегии: в частности, исследователь пишет о «Книжке красноармейца», записной книжке для обычного бойца в период Гражданской войны, в которой тот должен был фиксировать сведения о получении оружия, о питании и обмундировании, где было не-

сколько пустых страниц для личных записок. По его мнению, личные записки такого характера «способствовали чувству сопричастности в большом деле» (Хелльбек 2017: 58). Любопытны упоминания Й. Хелльбека о пропаганде дневникового письма среди метростроевцев, которая принесла плоды в формате издания «Как мы строили метро», где в предисловии от редакторов прописана мысль о важности записок такого типа для строительства новой жизни в СССР.

Примерно такие установки мог получать от своих педагогов и руководителей выпускник школы ФЗУ водного транспорта, находящийся в том возрасте, когда хочется верить в правильность жизни и в правоту людей. Но даже при таком ореоле типичности дневник Сергея Чертищева все-таки остается уникальным объектом научного интереса, который позволяет нам разглядеть за шаблонами письма частную историю человека, разглядеть того, кто в 1930 г. был молод и готов к героическим свершениям, отправился в большое путешествие и вел путевой дневник, по возвращению из плавания выбрал себе другую стезю деятельности (военного политического работника), но продолжал вклеивать в свой путевой дневник вырезки из газет, имеющие отношение к тем особым событиям, свидетелем которых он был в юности. Вполне обычный юноша становится автором документа, который рассматривается нами как уникальный материал, позволяющий описать не только маркеры судьбы отдельного человека, но и типичные для нескольких поколений советских людей рамы различного масштаба, формирующие их рефлекторное пространство, ценностные парадигмы и даже сюжеты жизней.

Тантамареска – реальный объект и метафора

Почти сразу с появлением фотографии как дополнительная услуга фотоателье и украшение пляжей возникла тантамареска – стенд для фотосъемки с отверстием для лица. Сам акт фотографирования для советского человека – это особенное событие, ретроспективный характер которого обусловлен феноменом фотографии. Тантамареска становится образным и одновременно знаковым дополнением к этому событию, маркирующим его популярными картинками, шаблонами времени, отражающими ценностные ориентиры эпохи по принципам моды, рекламы, общего места. «Вхождение в образ» – важная составляющая опыта всякого человека, шагнувшего навстречу тантамареске. Формирование семантики таких стендов осуществлялась на основе запросов потребителей, которые, в свою очередь, формировались под воздействием идеологии. Кроме того, тантамареска отсылает к традиции окладной иконы на щепе, которая представляла собой популярный и недорогой вариант иконописного образа эпохи индустриализации. Оклад прикры-

вал непрописанные пустоты полотна, оставляя место для личного. И в таком контексте смысл советской тантамарески как фотографии на память обретает противоречивую глубину и перспективность в качестве объекта научного осмысления.

Сергей Чертищев – представитель того поколения людей, для которых фотография – важный документ истории, а человек, в руках у которого есть фотоаппарат, близок к летописцу, способному передавать потомкам визуальные образы героического прошлого. В путевом дневнике С. Чертищева мы неоднократно читаем о том, как он сам фотографирует, как фотографируются его друзья, а фотодокументы, презентованные на страницах его дневника, превращают обычную общую тетрадь в альбом или даже книгу. При этом свидетельства о путешествии оформляются в соответствии с шаблоном жанра путевых заметок (путевого дневника), который к третьему десятилетию XX в. сформировался как популярная форма речевого поведения, предполагающая активное использование документов различной природы, т.е. в формальном плане сам стал своеобразной тантамареской.

От общей тетради к тантамареске

Дневник поступил в фонды Тюменского областного краеведческого музея в составе архива С.Г. Чертищева после смерти владельца и представляет собой небольшую общую тетрадь в 96 листов. Авторский текст густо перемежается фотографиями, вырезками из газет и книг. На развороте верхнего форзаца помещены две фотографии автора дневника, вырезка из путевых записей А.П. Чехова о Енисее, подлинник телеграммы из новосибирской конторы Комсеверопути о приеме на практику, здесь же вклеена карта-схема «Пути Карской экспедиции» с маршрутом путешествия 1930 г. Венчают записи фотография корабля на рейде, телеграмма С. Чертищева об окончании поездки и оригинал пропуска на территорию Красноярского порта. Всего 56 включений, как современных тексту, так и более позднего времени: хронология записей ограничена июлем–ноябрем 1930 г., а иллюстративный материал – вырезки из газет о значимых событиях, связанных с путешествием, – датируется 1960-ми и даже серединой 1970-х гг. (Чертищев 2018). Еще долгих 45 лет после путешествия Чертищев не отпускает рукопись, а рукопись не отпускает автора, оставаясь хранительницей образов прошлого, некоей рамой, которая не только напоминает о памятном событии, но и выполняет какие-то дополнительные и значительные функции. Такая привязанность к тетради и дневнику обусловлена возможностью человека периодически чувствовать себя частью большой истории, частью картинки, которая стала эмоциональной опорой, тантамареской, позволяющей входить в образ выпускника ФЗУ, у которого

впереди особенная жизнь. В контексте других архивных документов путевой дневник – яркое пятно, объект, в котором обычное переплетается с необычным, повседневное с героическим, личное с общим.

Идея «нового человека» как тантамареска

Широкий доступ к дневниковым записям советского времени и особенно 1920–1950-х гг. вызвал к жизни новый виток дискуссии о советской культурной революции и ее продукте – человеке новой формации, строителе социализма, а в перспективе и коммунизма. Одни исследователи обнаруживают на страницах дневников напряженную внутреннюю борьбу человека по переделыванию самого себя, стремящегося соответствовать пропагандируемому идеологией образцу. Именно анализу таких дневников Й. Хелльбек посвящает одну из последних книг, где убедительно разворачивает идею популярности дневника как формы индивидуальной рефлексии, обусловленной «стремлением большевиков не только создать новый мир, но... “превратить людей в политически сознательных граждан”» (Хелльбек 2017: 21). По сути, людям предлагался образ, соответствие которому становилось остоном личной биографии сознательного гражданина новой страны.

Другие исследователи полагают, что «советская культурная революция захлебнулась» в традиционном мироощущении русского народа, что эта идея, при всей ее разумности и привлекательности, была нежизнеспособной. Так, анализируя дневниковые записи 1940–1950-х гг. представителя рабочей элиты А.И. Дмитриева, О.Л. Лейбович говорит о нем, как о советском человеке не только по образованию, роду занятий и литературным амбициям, но и «по умению жить в новом обществе, использовать “до упора” доступные ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач социальные связи». Более того, в обаятельных чертах старого российского мастерового, который «себе на уме, знающий цену копейке, лукавого с начальством, тороватого с товарищами, пьющего, но умеющего обустроить свой быт, с крестьянской смекалкой и тягой к интересной книжке, верующего, но без особого усердия», О. Лейбович видит реставрацию мещанской культуры, приспособленную к тыловой военной среде и послевоенным реалиям (Лейбович 2017: 128–129). Элементы трикстерства видятся и М. Липовецкому в умении уже другого автора дневника, С. Подлубного, совмещать в себе почти взаимоисключающие идентичности-маски: советского человека, скрывающегося кулака, секретного агента и информатора НКВД (Липовецкий 2009).

И в первом, и во втором случае именно «вхождение в образ» – это самые общие варианты освоения предложенной идеологией тантамарес-

ки, наиболее освоенные наукой и одновременно превратившие ситуацию в очередную схему. Поскольку, как свидетельствует тот же дневниковый опыт, кроме приспособленцев-трикстеров, товарищей «себе на уме», а также людей, искренне себя переиначивавших сообразно «историческим императивам сталинской эпохи», были и уже готовые принять новые взгляды, модели поведения, мировоззрение без явных глубинных переживаний, как должное или как близкое, узнаваемое, не вызывающее отторжения. Выход за пределы методологического «хождения по кругу» в обобщениях относительно хода и результатов культурной революции, о котором пишет О. Лейбович, по всей видимости, возможен только в перспективе выявления и описания многообразия вариантов индивидуальных стратегий выживания. И один из таких – история молодого тюменца Сергея Чертищева.

Тантамареска Сергея Чертищева

В отличие от большинства авторов, чьи дневники интересны современным исследователям, Чертищев не является жертвой режима. Но актуальность этого опыта и состоит в гармоничном приятии запросов системы, что открывает особые перспективы в осмыслении самой идеи нового человека. Тем более что описать этот антропологический миф, этого нового субъекта советской формации довольно сложно. Образ нового человека никому не был ясен (Старый новый человек; Хелльбек 2017: 24).

Быть в тантамареске, в тренде – ситуация, основания которой неоднократно находились под прицелом внимания отечественных антропологов и культурологов. Одно из таких оснований – превращение человека начала XX в. из сельского жителя в городского. Примечательно, что именно момент перехода А. Вишневский оценивает как наиболее подходящий для манипуляций и преобразований: «...когда общество устойчивое, то у него есть определенные принципы поведения, и с ним ничего не сделаешь. Когда же люди меняются, переходят из одного состояния в другое – здесь они очень чувствительны ко всякого рода воздействиям. Весь XX век наше общество в основной его массе составляли сельские уроженцы или в крайнем случае горожане в первом поколении. Такая трансформация сильно влияла на социум и различные комплексы его поведения. Всплески массовых репрессий и другие подобные явления, которые казались неожиданными, были связаны с переходностью, маргинальностью нашего общества, не исчезнувшей до сих пор» (Старый новый человек).

Жизненный путь Сергея Чертищева представляет вариант развития, характерный для переходного периода от традиционного общества к индустриальному, когда крестьянство отрывалось от земли и переме-

щалось в город. В такой период укреплению крестьян в новой среде способствовали родственные и земляческие связи. Принадлежность к землячеству «обеспечивала обучение профессии, давала кров, определяла трудоустройство, обеспечивала продвижение по профессиональной лестнице. Наконец, землячество представляло собой некую промежуточную зону, где деревенские нормы поведения сочетались с принятыми в столице. Это уменьшало социально-психологический стресс, обусловленный переходом от сельского образа жизни к городскому» (Лурье 2011: 247). Семья Чертищевых адаптировалась к городской жизни именно таким образом. Ее глава Герасим Васильевич был выходцем из вятских крестьян, получил образование и занимал должность начальника нефтяного склада Надеждинского завода – флагмана уральской черной металлургии, но семейный союз он заключил еще по старинке, с девушкой-землячкой В.А. Игошевой. Укоренение на заводе семьи Чертищевых было прервано гражданской войной и хозяйственной разрухой. Именно в этой ситуации благоприятную роль сыграло то обстоятельство, что Чертищевы еще не были вполне урбанизированы, а родственные отношения не ослабили. Возвращенные в недрах традиционной культуры, и в частности крестьянской взаимопомощи, они имели возможность воспользоваться ее преимуществами. После смерти Г.В. Чертищева от тифа в 1922 г., все многочисленное семейство (супруга и семеро детей) при участии родственника перебирается в Тюмень и постепенно обустраивается, приобретая статус городской семьи служащих и интеллигентов¹.

Детство Сергея Чертищева прошло в поселке Надеждинского завода, который сложно назвать городским поселением. Состав рабочих этого нового завода (был построен в 1890-е гг.) отличался высокой долей недавних выходцев из деревни и «пришлых» рабочих (История Урала 1990: 126, 287), что, с одной стороны, создавало почву для высокой социальной напряженности как внутри коллектива (между рабочими «уральцами», «пришлыми» с южных металлургических заводов и вчерашними крестьянами), так и в противостоянии рабочих и заводской администрации. С другой стороны, навыки крестьянской жизни для многих рабочих были актуальны, особенно в годы неустойчивого экономического развития, спада промышленного производства, когда личные подсобные хозяйства становились важным подспорьем в стратегии выживания. Система ценностных предпочтений и ориентаций новых рабочих (и не только их) по-прежнему ограничивалась экономической сферой, т.е. выживанием, и в своих основаниях не отличались от ценностей крестьян. В дневниках Чертищева представлен тематический пласт, связанный с интенцией выживания, который свидетельствует и о социальных корнях автора, и о типичной для эпохи устремленности к благополучному будущему.

Важно отметить, что ранние этапы социализации Сергея, родившегося в 1911 г., особенно важные для усвоения поведенческих моделей, ценностных ориентаций, пришлись на время, еще относительно благоприятное для возможностей влияния традиционных норм, в том числе основанных на религии. Известно, что в семье религиозных ценностей придерживалась мама, была глубоко верующей, но не фанатичной. Посещала церковь, отмечала все религиозные праздники, но при этом все ее семеро детей получили образование, стали коммунистами и достигли в советское время высоких социальных статусов – военачальники и военный политический работник, заслуженные педагоги и организаторы образования, партийно-хозяйственный работник. Религиозность в семье Чертищевых не носила тотально-навязчивого характера. Она присутствовала в виде естественных ежедневных практик, ориентированных на образцы, предписываемые и отработанные многовековой традицией крестьянского общежития, поддерживаемых церковью. В этом смысле фундаментальные основания личности Чертищева сформированы в лоне традиционной культуры, а отход от религиозности в его случае, по всей видимости, произошел «в результате вытеснения христианских образов социалистическими, когда борьба за социализм становилась продолжением и замещением религиозной веры» (Безрогов 2004: 140).

Безболезненность перехода такими людьми от одной формы религиозности к другой обеспечивалась, по-видимому, изоморфизмом религиозного и нового советского сознания, тем, что «многие процессы социальной жизни советского времени, как не раз было замечено, имели моделью церковную жизнь, поскольку и само насаждаемое новое мировоззрение было, конечно, весьма близко к вере» (Чудакова 2001: 393). М. Эпштейн считает, что «разрушение религиозного уклада жизни в России XX в. отнюдь не сопровождалось секуляризацией, поскольку само государство при этом выступало как своего рода церковь, руководимая партийным “священством”» (Эпштейн 2013: 14). В таком контексте Сергей Чертищев – типичный представитель эпохи, чья вера в идеалы коммунизма не вызывает сомнений и является основой танталески.

Ситуация 1920–1930-х гг. сложилась таким образом: экономическая разруха после гражданской войны и форсированная индустриализация, которая, по мнению некоторых исследователей, осуществлялась на основе традиционных социальных институтов, ограничила интересы значительной доли населения исключительно проблемой физического выживания. Поэтому обнаруживаемый в дневниках этого периода интерес к ценам, еде, предметам быта и ко всему тому, что потом истово клеймилось как «мещанство», был отнюдь не праздным и не исключительной характеристикой «мещан». В этом смысле мещанская культура

не умирала, постоянно воспроизводилась, а значит и не могла реставрироваться в советское время. Ее перманентной актуализации способствовал дефицит, наступивший в результате реализации форсированной индустриализации (Фицпатрик 2008: 52–58). Прямые указания на дефицит как причину озабоченности материальным мы встречаем и на страницах дневника Чертищева, при этом его реакция на блага иностранной жизни вписывается в идеологический шаблон времени.

Тантамареска советской формации

Каждая запись этого дневника путешественника – свидетельство, отмеченное нарочитой конкретностью деталей с точностью датировок, географических объектов и т.д. Без лишних предисловий уже на первой странице автор рукописи констатирует: «Из Омска выехали в Ленинград 1-го июля 1930 года с поездом № 83 в 11 часов 25 минут. Тюмень проехал 2-го июля в 7 часов утра, забежал на станции в ларек к Кичигиной» (Чертищев 2018: 306). Такая точность напоминает о жанре отчета и одновременно о значительности миссии летописца, который не делает различий между личным и общим, значительным и второстепенным, т.е. сам является частью истории. В описаниях пространственно-временных реалий молодой человек опирается на текст экскурсоводов, идеологические штампы эпохи. Выбор деталей (с акцентом на событиях революции) обусловлен контекстом жизни и мысли. При этом наблюдаются штампы бюрократического происхождения.

Юный летописец не ищет особенных слов для отражения потока переживаемых им событий, а пользуется теми, к которым привык, не избегая повторов, простых сравнений и просторечной лексики. Например, свои первые впечатления от прогулок по Ленинграду он излагает нарочито лаконично: «Ленинград понравился и оказался гораздо лучше, чем я думал о нем раньше, и он своими постройками перещеголял Москву. Ровные прямые улицы, красивые 4-хэтажные дома, все ровные...» (Там же: 306). Сдержанный в описаниях событий и людей, Сергей Чертищев почти не отбирает факты, а записывает все то, что видит сам и считает важным: координаты судна, технические характеристики кораблей, качество питания и, конечно, все то, что попадает в поле его зрения во время несения вахты: берега, люди, погода и т.д. На первый взгляд, он пишет без лишних претензий на создание шедевра, не причисляя себя к талантливым литераторам-летописцам.

Северная героика

Почти сразу после 1917 г. началось планомерное освоение Северного морского пути. До середины 1980-х гг. изображение ледокола «Ленин» украшало школьные буквари, свидетельствуя об актуальности северной

романтики. Начиная с 1921 г. Карские экспедиции осуществлялись ежегодно, стали приносить прибыль государству, превращаясь в экономически выгодное и почти привычное мероприятие. В экспедиции 1930 г. участвовало 46 транспортных судов, на одном из таких судов, на теплоходе «Комсеверопуть», 23 июля 1930 г. приступил к своей первой вахте практикант из Тюмени Сергей Чертищев.

Советская история освоения Севера становится своеобразной рамой, в которую по воле случая попадает молодой человек из провинции. Участие в экспедиции открывает перед автором записок возможность выхода за пределы повседневного опыта, бытовых проблем в героическое пространство, где он сам герой, участник грандиозного проекта освоения Севера. Хотя о значении Карской экспедиции Чертищев в своих записках почти ничего не говорит, вырезки из газет, представленные в рукописи, выполняют роль авторитетных комментариев и свидетельств важности летописания. Так, например, вырезка из газеты про порт на острове Диксон – не просто значимая публикация о местах и событиях, свидетелем которых является автор рукописи, но и некий дискурс северной героики, продолжателем которого себя чувствует и Чертищев (Чертищев 2018: 341–345).

С. Чертищев часто не указывает имена начальников, будто в спешке перечисляя факты. Другие участники экспедиции не вызывают у молодого летописца особого интереса. Возможно, тому причиной представление практиканта о том, что он сам, Сергей Чертищев, находится рядом с ними, в одной событийной плоскости (тантамареске), что превращает их в обычных участников, равных ему. Тем более что об этих людях еще не пишут в газетах и книгах, как о Борисе Чухновском.

С особым вниманием Чертищев следит за судьбой встретившегося ему в путешествии настоящего героя (о котором, напротив, в газетах пишут много) Бориса Чухновского. В записках даны описания героя, его самолета и подробно рассказывается эпизод, когда Чертищев фотографирует авиатора и обещает ему выслать снимок по почте. Он наклеивает в свою тетрадь снимок летчика, вырезанный из газеты, и сам свидетельствует о его внешности и обаянии. Спустя годы в этой же тетради появится еще одна газетная вырезка о Чухновском, теперь уже с официальным материалом на смерть героя, наступившей в сентябре 1975 г. (Там же: 352–357).

Героическое пространство являлось необходимым условием моделирования человека советской формации в период гражданской войны, первых пятилеток, вплоть до начала 1950-х гг. Искусствовед Д.И. Барабанов пишет о том, что «персонифицированный и одновременно мифологизированный образ героя в 20–30-х годах являлся важным структурообразующим элементом, а эффективность применения института героев в рамках советской системы была достаточно велика» (Барабанов 2004;

см. также: Хелльбек 2017: 48–53). О значении героического в искусстве и в жизни человека советской эпохи писали и пишут многие искусствоведы, философы, литературоведы, но о месте и роли героического именно в матрице идеи нового человека вспоминают редко.

Герой превратился в идеал нового человека, а героическое пространство стало основным условием становления по-настоящему советского человека. При этом героическими могли стать почти любые условия жизни, поскольку пафос борьбы пронизывал практически все сферы жизни советского человека. Привязанность к героической романтике формировалась через искусство, газетное слово, пропаганду на предприятиях, в формате образовательных институтов и т.д. Эту школу героического романтизма прошел и Сергей Чертищев, к 1930 г. чувствительный ко всем рычагам, формирующим героическое пространство. Тантамареска «герой» реализуется в его случае в формате участия в Карской экспедиции, а тетрадь с путевыми записками превращается в бесценное доказательство героизма конкретного человека из провинции.

О друзьях и врагах

О своих сотоварищах, с которыми общается ежедневно, автор пишет немного, будто считает, что писать о них не нужно, поскольку такие свидетельства не будут интересны возможным читателям дневника. Упоминания о членах команды даются мимоходом, по случаю, без подробностей, порой без указаний полных имен. Например, следующим образом Чертищев пишет о своем сотоварище Марцулане: «Нас стало усиленно качать, наши “ударники” принялись сызнова блевать, потешно смотреть на Марцулана, который хвалился в Ленинграде, что ему никакой шторм не страшен, сейчас его корежит, не может стоять на вахте, просит постоять за него». Несколько раз вспоминает об Югане, которого кратко характеризует: «Юган – немец, судовой врач, матрос...» Но именно с этим неизвестным нам Юганом он проводит интересные минуты и часы своей жизни. В кампании с Юганом и капитаном он ездит на лодке с корабля на норвежский берег, осматривает окрестности, гуляет по городу (Чертищев 2018: 317, 326–327).

Следует отметить, что С. Чертищев никого не называет своим другом, вообще не пишет о дружбе с кем-либо из членов команды. Только пару раз с нежностью запишет имя земляка, с которым по случаю встречается. Именно земляк Миша Голубев передал ему письмо из дома. Не исключено, что уход от темы дружбы – это сознательная установка автора, который взял на себя миссию летописца, а для истории, по его мнению, значительными являются факты и персоналии, которые раскрывают общественные настроения, касаются общественной жизни.

Большинство персонажей истории, записанной С. Чертищевым, – это интернациональные друзья, матросы, рыболовы, охотники, грузчи-

ки и т.д., которых он почти не персонифицирует. Возникает впечатление, что автор записок или не особо интересуется этими людьми, или проявляет нарочитую осторожность.

Иностранцы С. Чертищеву интересны, но подробнее и чаще он пишет об иностранных суднах, чем о людях. Вообще граждан иностранных государств он условно делит на тех, с кем можно «держать интернациональную связь», и на «публику», которая представлена чуждыми советскому человеку социальными элементами. В путевой дневник вклеена фотография, которая иллюстрирует одну из ярких встреч участников экспедиции с оркестром Красных фронтовиков в Германии. Формат встречи был более чем неофициальным и даже душевным, о чем свидетельствует факт того, что один из оркестрантов оставил Чертищеву свой адрес («велел писать письма и держать интернациональную связь»). Вместе с тем об этой встрече Чертищев пишет сухо, будто по шаблону официального отчета: «В общем, встреча с ними носила самый дружественный и душевный характер, жаль только, что не захватил из СССР значков, просят они на память, все монеты советские отдал им, они восхищаются советским гербом как малые ребята» (Чертищев 2018: 322–324). В целом же Чертищев относится к иностранцам дружелюбно, в традициях своего времени, опираясь в оценках на критерий классовой принадлежности людей.

Классовый принцип срабатывает как основной критерий и в оценках людей, которых Чертищев встречает и на советском Севере. Например, о ссыльных он напишет: «Видел здешних ссыльных кулаков, что они из себя представляют, не стоит и писать об этом». Классовое любопытство к врагам не чуждо Чертищеву, но при этом особого интереса враги у него не вызывают. Его больше беспокоят житейские беспорядки. С возмущением он пишет о грузчиках, которые «плохо работают, не слушаются, даже себе жилье не помогают делать».

Не интересны Чертищеву и местные жители Севера самоеды, с которыми неоднократно общается команда, обменивая водку на песцов. Сам Чертищев в обмене не участвует, что фиксирует в дневнике («Приехали они с целью (как я потом узнал у одного самоеда-бедняка) выменять водку (“улюлю”) на песцов»). Его интерес к самоедам возрастает только после разговоров о том, что их председатель – кулак, т.е. классовый вопрос беспокоит его, входит в число основных. Можно сказать, что автор путевого дневника постоянно ищет вокруг себя подтверждения правоты той идеологии, которую проводит советское государство, исследует механизмы упорядочивания жизни по законам страны советов и сам никогда не отступает от этих законов.

Живой интерес к человеку являлся атрибутом предыдущей эпохи, а в новых условиях советской идеологии на первый план вышел вопрос происхождения и социального статуса человека. При этом Сергей Чер-

тищев не вникает в подробности происхождения, довольствуясь ролью летописца. Собственно ценность дружбы не стала частью тантамарески, освоенной Чертищевым. Мы можем предположить, что в 1930-е гг. публичная актуализация дружеских связей не поощряется. Соратник, а не друг, – установка, которая проникает в советские книги и кино, а безусловно доверять человеку в условиях близости идеального будущего, но на фоне видимых и очевидных изъянов конкретных людей, крайне сложно. На наш взгляд, отказ от больших привязанностей, от дружбы может быть гипотетически причислен к маркерам человека новой формации, он не был прописан изначально, но стал сопутствующим признаком под влиянием ряда факторов общественной жизни.

«Свое» / «чужое» пространство

Спокойное отношение к иностранцам и ко всему иностранному – важная установка автора путевого дневника. «Ровные улицы», «красивые», «чистота», «порядок» – главные лексемы, которые использует Сергей Чертищев для описания зарубежных городов, через которые пройдет маршрут его путешествия («Сегодня в час дня подошли к г. Хорштадт, который расположен в красивой местности, город небольшой, но улицы мощеные, чистота, бегают авто» (Чертищев 2018: 329). А употребление вместо прилагательного «красивый» слова «шикарный» в отношении немецкого городка Штетин становится знаком особого восторга. Примечательно, что, характеризуя города заграницы, Чертищев настойчиво делает акцент на чистоте улиц, на чистой одежде людей, тем самым отражая типичные для своего времени реакции советских людей, оказавшихся на Западе, и обязательно сравнивает их условия жизни со своими, разумеется, в пользу последних. Однозначность таких оценок опять же диктуется идеологическими штампами, характерными для человека советской формации. Так, например, веским аргументом в отрицании красивой и чистой жизни в Германии является факт увольнения немецких рабочих, о котором Сергей Чертищев мог услышать от политработников или прочесть в советских газетах: «В настоящее время на верфи занято 2 000 рабочих, с окончанием работ по теплоходам оставляют всего 300 чел., остальных увольняют» (Там же: 319).

Записи первых дней путешествия по городам Германии пестрят оговорами и фактами оценочного характера под углом советской идеологии. Описывая немецкие магазины, советский путешественник считает очереди нормой жизни и даже свидетельством благополучия и, соответственно, критикует заграничный порядок. Собственно, историческая ценность рукописи в некоторой степени и обусловлена специфичностью взгляда советского человека 30-х гг. XX столетия на реалии своей и чужой жизни. Идеологические шаблоны предопределяют его оценки зарубежного социального пространства, где изобилие товаров является

маркером эксплуатации «трудового народа», при этом он ни разу не использует лексемы «бедность» или «нищета», предпочитая обходиться явно политинформационным – «неплатежеспособность».

Лейтмотивом записок является представление о «своем» пространстве как предельно локализованном, до масштабов Тюмени. Поэтому даже в описаниях Ленинграда он наблюдатель чужой для себя жизни: «В отношении питания здесь намного лучше Тюменского, да здесь еще удивительно торгуют много частников, в отношении мелкой монеты серебра здесь туговато, крупные деньги нигде не меняют, так как серебро куда-то исчезло. Очевидно, дело рук классового врага. И на трамвае не проедем: садимся, вагоновожатый предупреждает... “крупные деньги? нет сдачи, слезайте!” и никаких гвоздей...» (Чертищев 2018: 310). Именно мотив дома формирует скромный по масштабу исповедальный пласт повествования, напоминая о конкретных координатах судьбы Сергея Чертищева.

При каждом удобном случае он отправляет домой письмо или открытку, а впоследствии все свои послания вклеивает в путевой дневник. С телеграммы в Тюмень о начале экспедиции начинаются путевые записи, телеграмма о возвращении их завершает. Встречаются очень интимные свидетельства: «Сегодня без 15 в 4 встал для того, чтоб заступить на вахту, спал плохо, снилась Тюмень, домочадцы и т.д., и т.п.» Нередко сетует на то, что писем из дома нет, очень радуется любой весточке: «Пошел и я на берег, сходили с Марцуланом на почту. Нет долгожданного письма. Послал домой открытку. Лег после обеда спать, уснул я, меня будит помощник механика Миша и подает письмо, я ему очень обрадовался, оказывается от Нади и Лели, письмо перевязано шпагатом, но быстро накатал ответ на двух открытках, домой и Наде, время уже 10 часов, и мы, вероятно, скоро пойдем, а поэтому я поспешил отнести открытки на почту».

Тоска по дому усиливается в моменты непогоды, скуки, а возвращение домой становится болезненной точкой уже в самом финале экспедиции, когда появляется угроза остаться на зимовку. Дом – не часть тантамарески, это живая жизнь, оставленная за пределами героического пространства. Семья, родственные связи, тоска по дому – это уже сюжет Одиссея, уходящий корнями в естественные мотивы существования человека, не учтенный в матрице нового человека советской формации. Советская тантамареска не впускает семью, род, дом в прорезь для одного лица, а отказ от семьи даже приветствуется тоталитарной системой (особенно в случаях, когда твои родственники не разделяют идеалы системы вместе с тобой).

Еда и комфорт

От внимания читателей этого дневника путешественника не может ускользнуть такая деталь, как особое внимание автора к теме еды и

к ценам на различные товары. Например, он считает важным описать качество своего рациона с первых дней путешествия. Еда становится маркером благополучия в описаниях заграничной жизни, но обязательно с намеком на какой-то изъян: «Пища хорошая, сегодня пили кофе со сливками, с колбасой, маслом, мясом и т.д., ешь сколько хочешь, хлеб белый, но плохо то, что пресный...» В описаниях корабельных будней часто сетует на качество готовки, ругая повараху, а к концу экспедиции на нехватку пресной воды. Нередко в описаниях трапезы встречается просторечная лексика: «Сегодня давил какао, да густое, приелось уже, предпочитаю чай». Несколько раз в тексте рукописи встречается глагол «шамать», демонстрирующий традицию речевого поведения рабочего класса. «Живем здесь хорошо, со всеми удобствами, в помещении светло, тепло, чисто, внизу швейцар, у каждого пружинная койка, постельная принадлежность, тумбочка, полотенце и т.д. Обеды здесь 1-ое блюдо 15–20 коп., второе 25–35 к., хлеба к обеду хватает, получаем суточные 3 руб. (9 июля). При выходе из Ленинграда пили чай с маслом сливочным и бел[ым] хлебом (10 июля). После обеда спали, затем был чай, ужин и снова чай. Шамовка очень хорошая, всего шамаем 5 раз в сутки (11 июля). Сегодня получили аванс по 10 марок, ходили в город, первым делом закупили шоколаду и “нашамался” его, здесь он недорогой, всего 40–50 пфеннигов фунт» (14 июля).

Интерес к бытовой составляющей – это, с одной стороны, естественная для советского человека озабоченность, обусловленная дефицитом продуктов, недоступностью каких-то товаров, а с другой стороны, это признак человека делового, по-житейски ловкого, но погруженного в быт. «Выдали нам по 100 марок, ну мы сразу же и поперли в магазин покупать костюмы, тут же и нашелся посредник, представившийся, что он специально послан из полпредства для покупки нам костюмов. Купил себе костюм за 78 гулден, шевъетовый, но немного великоват, купил поменьше и дешевле за 35 гульд. и сейчас щеголяю в нем. В Штетине все дешевле, нежели здесь, там, например, можно было купить часы за 3 марки, ботинки за 15 м.» (Чертищев 2018: 321).

Быт – это неизбежная кайма всякой истории, в условиях же советской системы она, как правило, драматична. Отношение к быту и проявления мещанства в разные десятилетия советской истории – еще одна тема, требующая последовательного изучения.

Автопортрет героя

Мы склонны считать, что Чертищев не обеспокоен проблемами своего стиля и языка вовсе не по причине своей крайней скромности, а, напротив, на основании особой уверенности в своем таланте, который по юности лет и в соответствии с образованием и духом времени несколько им переоценивается. Неоднократно в рукописи Чертищев

упоминает о том, что именно он является ответственным за стенгазету и выполняет это поручение быстро и хорошо.

Педантично прописывает текущие события, происходящие на судне, указывает точные координаты маршрута, но большую часть времени проводит в одиночестве, неся вахту, к которой относится серьезно. Профессия моряка ему интересна: много пишет о судах, об особенностях навигации в условиях северных морей. Неоднократно автор записок демонстрирует свой творческий потенциал, тягу к созерцанию пейзажей, закатов и т.д., при этом очень скуп на эпитеты, ограничивается прилагательными типа «красивый» и «замечательный»: «Горы стали крупные, на их вершинах виднеется снег. Дует холодный северный ветер. Места пошли красивые. Наблюдал замечательный закат солнца в горах. Лег спать в 12 часов».

На протяжении всего дневника Чертищев фиксирует детали, демонстрируя некоторые особенности своей натуры и даже намекая на собственную исключительность. В частности, он неоднократно говорит о своей стойкости в отношении морской качки и о том, что ему завидуют другие моряки: «Сегодня качка почти отсутствует, наши блевать даже перестали. Многие завидуют мне, что не испытал такого “счастья”, как они, а между прочим я являюсь самым молодым». Он не засиживается долго на вечеринках с другими моряками и не употребляет алкоголь («На ужин подавали по бутылке пива немецкого и коньячку 3 звездочки, которого я выпил только рюмку»). Правильный, дисциплинированный, выносливый, он даже в минуты отдыха не забывает о своей миссии вести записи.

Автор рукописи позиционирует себя как героя, человека особого склада и, возможно, судьбы. В перспективе советской тантамарески он максимально соответствует предложенной советскому человеку матрице нового человека. В этом смысле пример Сергея Чертищева – типичный случай удачного воспитания будущего строителя коммунизма, т.е. лидера, партийного работника и т.д. Именно в русле таких побед будет складываться судьба автора путевого дневника после Карской экспедиции.

Заключение

Сергей Чертищев – представитель той части советского молодого поколения, которое не находилось в ситуации «острой экзистенциальной неопределенности». Ему нет необходимости «превращать существующие культурные образцы в горизонты внутреннего становления», он не строит свою личность в соответствии с идеологическими критериями времени, а его дневник – не способ самонаблюдения и самовоспитания. Его безоговорочное приятие системы не противоречит вполне мещанским установкам на заботу о благах земных, а новый государ-

ственный порядок открывает невероятные возможности и перспективы социального роста. Девятнадцатилетний автор путевых записок осознает себя полноценным представителем нового общества.

Дневник С. Чертищева, в соответствии с жанровой формой презентующий фрагменты личности и жизни автора, напоминает вербальную тантамареску – своеобразный словесный стенд с вырезом для лица, где моделью для сборки становятся типичные клише советской эпохи, шаблонные по своей природе образы, оценки людей и обстоятельств. Лицо живого человека с конкретной судьбой оказывается в раме, регламентирующей не только стиль письма, но и стиль жизни. Символично, что на титульном листе автор указал начальную дату ведения дневника, а после слова «закончен» поставил многозначительных три вопросительных знака: «???».

Человек тантамарески родом из «безмолвствующего большинства» Средневековья, в эпоху Просвещения получивший возможность говорить, превратившийся в «маленького человека», старательно переписывающего чужие тексты и страдающего от своей социальной обделенности, а уже в советское время освоившего жанры летописания в перспективе фиксации (почти фотографии) героических событий текущей истории. Примечательно, что во времена советской формации именно люди подобного склада становятся незаменимыми руководителями средней руки, дисциплинированными исполнителями государственных указов и пропагандистами актуальных для времени идей.

Тантамареска – удачная метафора, характеризующая уклад жизни советского человека, который вписывает себя в социальную парадигму сначала как советский школьник и комсомолец, а потом как строитель коммунизма. В подобном значении тантамареска – это и некая универсалия, значимая для понимания современных констант человеческого существования и механизмов выживания в условиях любой системы. Впиши себя в журнальную обложку, в ролик успешной жизни – это самый первый ряд стереотипных требований, составивших основу ныне актуальной тантамарески. При этом сетевое пространство – инстаграммы, блоги, похожие друг на друга селфи, с одинаковыми позами, жестами и выражениями лиц, стандартные лайки, мемы и прочие инструменты – до бесконечности расширило границы общения, но редко кому и сегодня удастся преодолеть рамки, вырваться за пределы предложенной идеологической картины.

Примечания

¹ Подробнее о жизненном пути С.Г. Чертищева см.: Никулина, Темплинг 2018.

Литература

Барabanов Д.Е. Герой и героическое в советском искусстве 1920–1930-х годов : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 215 с.

- Безрогов В.Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2004. № 4. С. 130–162.
- История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990. 504 с.
- Лейбович О.Л. «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...» Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) // ШАГИ-STEPS. 2017. № 1. С. 114–135.
- Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 12.02.2018).
- Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 288 с.
- Никулина Н.А., Темплинг В.Я. Одиссей советской формации. Предисловие к дневнику нежертвы // Большое городище. 2018. № 4-5 (37-38). С. 295–305.
- Старый новый человек: как власть формировала личность советского гражданина // Lenta.RU. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/06/soviet_man/ (дата обращения: 12.02.2018).
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 336 с.
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
- Чудакова М.О. Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского времени (1920-е – конец 1930-х годов) // Чудакова М.О. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 393–420.
- Чертищев С.Г. Дневник // Большое городище. 2018. № 4-5 (37-38). С. 306–382.
- Эпштейн Н.М. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ_ПРЕСС КНИГА, 2013. 415 с.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2019 г.

Nikulina Nadezhda A. and Templing Vladimir Ya.

SOVIET PHOTO STAND-INS AS REFLECTED IN THE TRAVEL JOURNAL OF A YOUNG TYUMEN RESIDENT

DOI: 10.17223/2312461X/24/9

Abstract. The article draws on the travel journal of a young resident of the city of Tyumen who represents the part of the young generation that, without any apparent contradictions, adopted ideological models of their time marked by the popularity of the ideas of the Cultural Revolution. The travel journal contains his memories of some events, such as a journey abroad and his participation in the expedition to the Soviet North. The conceptual focus of the research is on photo stand-ins (tintamarresques) that, through the images of a specific ego-document, are analysed and presented as a metaphor for the mechanism of not being a victim in the totalitarian state. The authors suggest that the young people's conflict-free entry into the new system of social relations took place with reliance on the values and attitudes which are inherent in traditional society and which constituted the basis for the new Soviet tintamarresque.

Keywords: travel journal, photo stand-in (tintamarresque), the New Soviet Man, Cultural Revolution, development of the Arctic

References

- Barabanov D.E. *Geroi i geroicheskoe v sovetskom iskusstve 1920-1930-kh godov: Dis. ... kand. iskusstvovedeniia* [The hero and the heroic in the Soviet art of the 1920s to 1930s: A thesis submitted for the degree of Candidate of Sciences (Art History)]. Moscow, 2004. 215 p.
- Bezrogov V.G. Mezhdru Stalinym i Khristom: religioznaia sotsializatsiia detei v sovetskoi i postsovetskoi Rossii (na materialakh vospominanii o detstve) [Between Stalin and Jesus: the religious socialisation of children in Soviet and post-Soviet Russia (based on childhood memories)], *Antropologicheskii forum*, 2004, no. 4, pp. 130–162.
- Istoriia Urala v period kapitalizma* [History of the Urals during Capitalism], Moscow, 1990, 504 pp.
- Leibovich O.L. «Nedurno by poluchit' skol'ko-nibud' premii...» Sovetskii rabochii naedine s dnevnikom (1941-1955) [‘Getting some bonuses would not hurt...’ A Soviet worker keeps a diary, 1941-1955], *ShAGI-STEPS*, 2017, no. 1, pp. 114–135.
- Lipovetskii M. Triksler i «zakrytoe obshchestvo» [The trickster and ‘closed society’], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 100. Electronic version. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (Accessed 12 February 2018).
- Lur'e L.Ia. *Pitershchiki. Russkii kapitalizm. Pervaia popytka* [Seasonal workers in Saint Petersburg. Russian capitalism. Attempting it for the first time]. St. Petersburg: BKhV-Peterburg, 2011. 288 p.
- Nikulina N.A., Templing V.Ia. Odissei sovetskoi formatsii. Predislovie k dnevniku nezherlyv [Odysseus the Soviet. A foreword to the diary of a non-victim], *Bol'shoe gorodishche*, 2018, no. 4–5 (37–38), pp. 295–305.
- Saryi novyi chelovek: Kak vlast' formirovala lichnost' sovetskogo grazhdanina [The Old New Man: How the authorities shaped the Soviet citizen], Lenta.RU. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/06/soviet_man/ (Accessed 12 February 2018).
- Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2008. 336 p.
- Khell'bek I. *Revoliutsiia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoi epokhi* [The first-person revolution: the diaries of the Stalinist era]. Moscow: NLO, 2017. 424 p.
- Chudakova M.O. Sud'ba «samootcheta-ispovedi» v literature sovetskogo vremeni (1920-e – konets 1930-kh godov) [‘Self-report confession’ in the Soviet literature of the 1920s to the late 1930s]. In: Chudakova M.O. *Izbrannye raboty. T. 1: Literatura sovetskogo proshlogo* [Selected works. Vol.1: Literature of the Soviet past]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, pp. 393–420.
- Chertishchev S.G. Dnevnik [The diary], *Bol'shoe gorodishche*, 2018, no. 4-5 (37-38), pp. 306–382.
- Epshtein N.M. *Religiia posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion after atheism. New possibilities of theology]. Moscow: AST_PRESS KNIGA, 2013. 415 p.